

*Блинова Вера Владиславовна,
доцент кафедры истории государства и права
Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук.*

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Великая Отечественная война потребовала мобилизации всех сил государства. Основным правовым документом, служившим для регулирования всех сфер общественной деятельности в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны была Конституция СССР 1936 г. Законы и указы обеспечивали стабильное функционирование Советского Союза в мирное время. Большой вклад в Победу над фашистской Германией внесли сотрудники правоохранительных органов, обеспечивающие правопорядок в тылу страны.

Великая Отечественная войны способствовала изменению и дополнению советского законодательства, которые являлись чрезвычайными. В первую очередь это относилось к правовому регулированию вопросов, связанных с введением военного положения, а в ряде местностей, где возникала угроза захвата территории – осадного положения. Это был особый правовой режим, который предусматривал значительное расширение полномочий военных властей, расширение круга дел, подсудных военным трибуналам, применение чрезвычайных мер по обеспечению государственной безопасности, охране общественного порядка и в целом укреплению обороноспособности.

Юридической базой советского законодательства была Конституция СССР и конституции союзных и автономных республик. Конституционная

обязанность граждан по защите Отечества получила свою конкретизацию в ряде нормативных правовых актов Советского Союза, изданных еще в довоенный период. Так, 8 июля 1940 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство», а 12 октября вступил в силу новый Дисциплинарный Устав, который действовал до 1946 г. В Уставе устанавливались воинские порядки применительно к боевым условиям. Всего на Урале за годы Великой Отечественной войны, по неполным данным, было задержано 44231 человек, или 1,6% от общесоюзных данных, из них дезертиров — 18900 (0,8%), уклоняющихся от мобилизации — 25331 (3,7%). Абсолютное большинство задержанных на Урале приходится на 1943 г. — 21373 человека, или 48,3% от общего количества дезертиров в военный период¹, хотя в целом по СССР пик дезертирства наблюдался в 1941 г., когда Красная армия отступала по всему фронту и несла большие потери.

Чрезвычайные условия войны заметно усложнили деятельность правоохранительных органов по предотвращению, раскрытию преступлений и розыску преступников. Война, как и любые политические, экономические, социальные потрясения и нестабильность в стране, привела к резкому росту бандитизма². Всего за годы Великой Отечественной войны (по неполным данным) по Советскому Союзу сотрудники органов внутренних дел ликвидировали 7161 бандитскую группировку, в которых оказалось задержано 89 008 человек. Пик бандитизма приходится на 1943 г. В это время в СССР ликвидировали 3875 бандгрупп, что в 2,8 раза больше, чем в 1942 г.³ Данный факт можно объяснить тем, что неурожай 1943 г. и ухудшение материального положения населения способствовали распространению уголовной преступности.

В первые годы войны происходит рост преступности, что вызвало усиление политики репрессии со стороны государства. Так, в Челябинском областном суде за первые три месяца войны в 30 раз возросло количество лиц приговоренных к расстрелу по сравнению с предшествующим полугодием.

Если в первом полугодии 1941 г. из числа 264 осужденных за контрреволюционные преступления 117 человек, или 44,3% приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет и только 3 человека – к высшей мере наказания, то в третьем квартале 1941 г. из 401 осужденного – соответственно 199 (49,6%) и 90 человек (22,4%). В первом полугодии 1942 г. Челябинским облсудом из 344 человек, осужденных за контрреволюционные преступления, к расстрелу были приговорены 98 человек, или 28,4%, из 536 осужденных, проходивших по делам общей подсудности, к высшей мере наказания приговорили 64 человека, или 12%⁴.

С началом Великой Отечественной войны значительно возросла роль учреждений для детей, потерявших связь с родными и близкими. Основная масса беспризорных и безнадзорных детей и подростков направлялась в детские дома. Профилактики детской беспризорности и безнадзорности способствовало семейное воспитание детей, которое осуществлялось посредством устройства несовершеннолетних на патронат, под опеку, усыновление. Так, например, в 1943 г. по РСФСР насчитывалось 121.210 патронированных, 56.850 опекаемых и 16.312 усыновленных детей, то в 1944 г. эти показатели составляли соответственно 163.059; 79.381; 21.724⁵. В Удмуртской АССР всего за годы Великой Отечественной войны устроено: в детские дома – 6014, на патронат – 1784, под опеку – 3223, усыновлено – 261⁶.

Всего органам правопорядка Урала (по неполным данным), по подсчетам автора, удалось задержать за годы Великой Отечественной войны 149 003 беспризорных и безнадзорных ребенка и помочь им найти свое место в жизни⁷, что составляет 6,3% от данных по Советскому Союзу. В целом в СССР задержано 2 355 635 беспризорных и безнадзорных детей⁸.

За годы войны сотрудники правоохранительных органов региона привлекли к уголовной ответственности за различные виды преступлений 12 657 несовершеннолетних⁹, или 6,7% от общесоюзных данных. На территории СССР (по неполным данным) задержали за уголовные преступления 189 901 человека.

Введение военного положения в ряде республик и областей страны повлекло за собой установление особого правового режима, т.е. возложение на граждан ряда дополнительных обязанностей в интересах обороны и разгрома врага, а именно: трудовой повинности, автогужевой повинности, военно-квартирной обязанности, мобилизации для военных нужд транспортных средств и другого имущества. Конституция 1936 г. закрепила неприкосновенность социалистической собственности – экономической основы государства, что являлось законодательной основой для расширения возможностей органов внутренних дел в борьбе с хищениями государственной собственности. Важное значение для усиления борьбы с экономической преступностью имело постановление ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров», а также последовавшие за ним ведомственные приказы по линии НКВД, прокуратуры и Наркомюста СССР¹⁰. В соответствии с данным постановлением расследования по делам о хищениях и разбазаривании продовольственных и промышленных товаров, злоупотреблении хлебными и продовольственными карточками, обвешивании, обмеривании и обсчете покупателей рекомендовалось проводить в десятидневный срок. Преступники, проходившие по данным делам, привлекались к уголовной ответственности на основании указа от 7 августа 1932 г., который предусматривал наказание в виде смертной казни или 10 лет лишения свободы¹¹.

Таким образом, и в условиях войны оставались неизменными конституционные принципы советского общественного и государственного строя. Сотрудникам правоохранительных органов пришлось бороться с возросшей преступностью, но наряду с основными функциями по охране общественного порядка и безопасности граждан, борьбе с нарушителями уголовного и административного законодательства на них возлагались специфические для военного времени задачи: борьба с воинскими преступлениями (дезертирство, уклонение от мобилизации), диверсионными

актами, со слухами, бандформированиями, очистка городов и промышленных предприятий от преступных и антисоветски настроенных элементов, обеспечение безопасной эвакуации предприятий и граждан, заградительная работа на железнодорожном и водном транспорте, а также пресечение детской беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних.

¹ Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 177—179.

² По УК РСФСР под бандитизмом (ст. 59-3) понималась организация вооруженных банд и участие в них и организованных ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов, разрушение железнодорожных путей, средств сообщения и связи.

³ Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 174—176.

⁴ Гусак В. А. Правовое регулирование деятельности органов милиции по охране общественного порядка в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: право. 2008. № 8. С. 142.

⁵ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5786. Л. 41

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1 Д. 76. Л. 72.

⁷ Подсчитано по: История культуры Южного Зауралья : в 2 т. / отв. ред. В. В. Подливалов. Курган : КГУ, 2004. Т. 2. С. 161; ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 241; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-92. Оп. 5. Д. 221. Л. 19; Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 59; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 26; Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 2; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 84. Л. 51, 98; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 111; Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 471 об.; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 90; Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1960 гг.). Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2000. С. 68—69.

⁹ Подсчитано по: Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 162. Оп. 2. Д. 168. Л. 78; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 233; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 60; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 31; ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 7; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 110; ОГАСПИ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 953. Л. 10; НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 471—471 об.; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 92. Л. 1.

¹¹ Министерство внутренних дел. 1802—2002. Исторический очерк. М.: Объединенная редакция МВД России, 2004. С. 353.